

© 1993 г.

Г.А. МОНУСОВА

МОТИВЫ И ЦЕННОСТИ УЧАСТИЯ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

«Демократическая Россия» была образована как «массовая общественно-политическая организация добровольно объединившихся партий, общественных организаций и движений, иных объединений и отдельных граждан. Задачей движения является координация действий по объединению демократических сил общества для проведения прогрессивных радикальных и социально-экономических реформ в России в целях создания гражданского общества» (из Устава движения).

Успешное проведение предвыборной кампании 1990 г. обеспечило популярность и авторитет движению, который укрепился во время политического

противостояния демократических и реакционных сил в конце 1990—первой половине 1991 г. «Демократическая Россия» сыграла значительную роль в организации митингов, пикетов, при агитации и мобилизации населения.

Август 1991 г. ускорил разрушение тоталитарного режима. Основная функция «Демократической России» — координация демократических сил для противостояния КПСС — в своей прежней форме теряет свою актуальность. Для движения наступают трудные времена. II съезд «ДемРоссии», состоявшийся в октябре 1991 г., выявил серьезные расхождения во взглядах на задачи движения в среде его идеологов и лидеров. Перед движением встает вопрос: что делать дальше? Реально его жизнь превращается в вялотекущий процесс. Расхождения во взглядах лидеров приводят к выходу из движения некоторых партий и организаций. Из сообщений печати складывалось впечатление, что деятельность «Демократической России» ограничивается делениями, расколом на верхнем уровне. Появилось ощущение, что как массовая организация движение погибает. Так ли это?

Для ответа на этот вопрос обратимся к мнению активистов движения. Очень важно ощутить настроения этих людей, их восприятие себя и своей роли в движении, с их помощью попытаться понять, почему люди включаются в политическую деятельность, что побуждает их активно участвовать в демократическом движении. Наконец, попробовать ответить на вопрос, почему люди уходят из движения.

В ходе индивидуальных интервью и групповых дискуссий мы попытались выяснить, как и почему активисты движения включаются в общественно-политическую деятельность. Здесь можно выделить несколько групп. Прежде всего следует сказать о людях, в течение долгого времени ориентированных на диссидентские круги. В 60—70-е годы они формировались под влиянием запрещенной литературы, внутренне активно сопротивлялись процессу тоталитаризма. При появлении первых же возможностей для функционирования неформальных организаций они стали устанавливать тесные связи, контакты с единомышленниками. Эти люди включились в политическую деятельность еще до появления избирательных клубов, даже до всеобщей избирательной кампании 1989 г. «Демократическая Россия» для этой группы активистов — согласно их собственным высказываниям — стала их образом жизни, способом реализации их самосознания. Для этих людей очень важное значение имеют идейно-нравственные принципы участия в демократическом движении.

Другая группа включает активистов, сумевших прийти к пониманию необходимости демократических преобразований и чувствовавших в себе силы помогать другим в переосмыслении своих житейских установок. «Я ощущала, что мне все время плохо, — сказала нам одна из участниц. — Мы действительно жили словно в клетке. Хотелось показать людям, что они свободны, пригласить их высказаться. Нам надо людей менять, чтобы двигаться дальше».

Многие бывшие члены КПСС, демократически ориентированные или трансформировавшие свои взгляды во время перестройки, пришли в «Демократическую Россию» через Демократическую платформу КПСС, Республиканскую партию. Но еще до этой волны в Демократическое движение пришли люди, порвавшие с КПСС задолго до массовых выходов из нее. К этому их зачастую подвигали конфликтные ситуации, когда они сталкивались с несправедливостью, невозможностью самореализации в рамках старой системы; это — бунтари по духу, борцы за справедливость.

Вместе с тем, в общественно-политические образования демократической ориентации включались люди, не реализовавшие себя в основной профессиональной деятельности, равно как и те, кто оказался в политике по стечению обстоятельств, так сказать, случайные «попутчики».

Конечно, речь здесь идет о мотивации участия в демократическом движении

в строгом научном смысле. Тем более, что мотивы, которыми руководствуются люди, делая тот или иной выбор, можно исследовать по многим критериям. Мы попытаемся акцентировать внимание на том, что влияет на восприятие участниками себя в движении, на понимание ими своей роли и задач в нем. Исходя из этого можно выделить следующие группы мотивов: во-первых, идейно-нравственные принципы, внутренние установки на участие в движении, возможно граничащие с некоторым романтизмом; во-вторых, ориентация на политическую профессиональную деятельность, установки на участие в ней, нередко носящие прагматический характер. В-третьих, желание большей самореализации.

Несмотря на различие мотивов, приведших людей в движение, на этапе его возникновения всех объединяла одна идея, единая цель — борьба против тоталитаризма во имя общедемократических ценностей. Когда во время дискуссий заходила речь об этом периоде, в группе наблюдалось оживление, единение, взаимопонимание. Участники одинаково понимали задачи движения на этом этапе. Ими было единодушно признано, что основная задача движения состояла тогда в мобилизации населения, включая как агитационную работу, так и демонстрационную и мобилизационную — организацию митингов, пикетов, выборов. Решению этой задачи способствовала и организационная структура движения, когда информация по цепочке доходила от лидеров через активистов, их помощников к населению, поддерживающему движение. Этот этап возникновения и развития движения был ограничен для всех участников движения. Характерно, что активисты во время дискуссий были едины в оценке и восприятии лозунгов в методов борьбы на том этапе. Ощущалась уверенность в том, что они обсуждали знание того, о чем они говорят.

Август 1991 г. внес существенные коррективы в деятельность «Демократической России». Участники наших дискуссий были единодушны в том, что разрушение тоталитаризма не приводит автоматически к демократическим преобразованиям, построениям. Нужен переходный период, время для становления демократического общества. Необходимо изменить сознание людей, чтобы общедемократические ценности воспринимались всеми органично и естественно, чтобы люди стали демократами не по названию, а по сути. Но этого добиться трудно, ибо даже сами активисты признают, что стали демократами прежде всего потому, что стали антикоммунистами. Между тем демократия, по мнению одного из участников, «это не партийная принадлежность. Это образ мыслей, характер общественных отношений». «Демократия, — говорил другой, — опирается на определенные структуры, определенное сознание».

Если участники были единодушны в признании необходимости демократических преобразований, то по поводу того, как эти преобразования осуществлять, мнения расходятся. Наблюдались существенные различия во взглядах на политическую деятельность, на форму организации политической деятельности, на свою роль и задачи.

Участниками дискуссий были как беспартийные члены «ДемРоссии», так и члены различных демократических партий, однако не этот момент явился определяющим в тех или иных оценках или мнениях. Различия в понимании участниками своей роли в политической деятельности, строительства демократического общества, в определении задач движения, вероятно, во многом зависят от мотивов, которые привели участников в движение. К примеру, активисты, ориентированные на диссидентские круги, понимают, что без определенного уровня политического сознания населения нет демократии. «Демократия невозможна, — говорят они, — без политической активности населения». Для этих людей политическая деятельность — не временная кампания, а внутренняя установка. Политическую деятельность они понимают как защиту и пропаганду нравственных принципов, идеалов демократии, свободы.

В то же время были мнения, что «политика дело не чистое». «Мое твердое убеждение, — сказал один из участников дискуссий, — чем меньше политики, тем чище отношения. Если общество может обойтись без политики — это идеальное общество». Эти люди убеждены, что они вынуждены заниматься политической деятельностью, пока не ликвидирована опасность тоталитарного режима. Они считают себя обязанными расчистить политическое пространство для построения демократического общества.

Некоторые из участников дискуссий, ориентированные на политическую деятельность, понимают политику как борьбу, противостояние сил за влияние на общественное мнение. Они считают, что «общества нет без политики».

Исходя из различного понимания политической деятельности, по-разному можно видеть и формы ее организации, и задачи движения. Так, например, активисты, ориентированные на диссидентские круги, не приемлют партийные структуры и активно выступают за сохранение индивидуального членства в движении. Эти люди видят свою роль в работе с населением, агитационной работе. Они полагают, что опасность реставрации тоталитаризма сохраняется, а потому движение как форма организации демократических сил в обществе необходимо, так как главная особенность движения — нефиксированное членство — привлекает многих людей, способствует тому, что движение поддерживают широкие слои населения. «Ценность движения для меня состоит в том, что мы не связаны уставами, программами», — считают многие участники.

Другая группа людей, среди них в основном ориентированные на профессиональную политическую деятельность, считает, что больший акцент сейчас нужно сделать на выработку программных установок, разработку тактических действий. «Наша задача, — полагают они, — создать реальную многопартийность, без которой нормальное демократическое общество существовать не может». Они не отрицают необходимость существования движенческой формы, но приоритет отдают более структурированным организациям. Эти люди реализуют себя в различных политических структурах, находят поле деятельности для самовыражения в партиях, в руководящих и координирующих органах движения.

Что же касается людей, ориентированных на движенческую форму, то тут все гораздо сложнее. Они сводят свои задачи в основном к работе с населением. Однако в их высказываниях чувствовались противоречия. В процессе дискуссий ощущалась растерянность людей по поводу того, что же им делать.

Растерянность участников дискуссий усугублялась расколом среди лидеров движения. Идея раскола была крайне непопулярна среди участников наших дискуссий. Было единодушно признано, что расхождения наверху их не касаются. Тем не менее анализ высказываний показывает противоречивость оценок ситуации. Явно ощущалась обеспокоенность за судьбу движения, особенно это касалось приверженцев движенческой формы. Звучали мнения, что «если отрыв произойдет еще сильнее, и если их проблемы станут еще более важными для них, вот тут-то и произойдет превращение этого движения в партию, т.е. остается вот тот довольно узкий круг лиц, для кого серьезны эти теоретические построения. А движение не то, чтобы отомрет, оно останется без возможности себя реализовать через них и исчезнет». Следует заметить, что отношение участников движения к лидерам носит заметно противоречивый характер. С одной стороны, активисты считают, что в движении не должно быть руководителей, а должен быть координирующий центр. С другой стороны, утверждалось, что нужны движению идеологи. Активисты ждут указаний насчет дальнейших действий, не знают, что делать.

Создается впечатление, что раскол наверху и растерянность участников, ориентированных на движенческие формы, являются свидетельством кризиса движения. Вполне вероятно, что раскол не дошел до районных организаций,

потому что наметился разрыв между их лидерами и активистами. О нем свидетельствуют несколько фактов. Прежде всего прямые высказывания участников, типа — «районные ячейки развалились именно потому, что отсутствует связь между ними и координирующим органом», «лидеры как бы отрываются от основной массы участников движения».

Разрыв ярко высветила встреча участников с одним из лидеров движения. Он воспринимался группой как источник информации. В ходе дискуссии были заметны существенные различия в понимании роли движения его участниками и идеологами.

Вместе с тем разрыв произошел не только в звене лидеры—активисты, но и в звене активисты—исполнители. Очевидно, что структура движения была сформирована под конкретные мобилизационные задачи. Лидерам нужны были активисты для мобилизации населения на определенные действия: выборы, митинги. Складывается ситуация, когда видимой необходимости в таких действиях нет. Более того, если раньше существовала обратная связь от исполнителей к активистам, исполнители обращались с конкретными предложениями своей помощи, то сейчас положение резко меняется. Обострившаяся экономическая ситуация, наступающая безработица изменили отношение населения к политическим действиям. Население, которое раньше поддерживало различного рода политические акции, становится более пассивным в политическом плане и более активным в своем экономическом обустройстве. Надо отметить и появление людей, разочарованных в действиях правительства, власти, т.е. демократов, которых они привели к власти. Есть такие люди и среди активистов движения.

Все эти моменты не могли не сказаться на настроениях активистов. Видимо, отсюда и проистекают разочарования, растерянность, обострения на личном уровне противоречий между ожиданиями и реальными процессами. Многие активисты покидают политику, уходят в коммерцию, ведут борьбу за экономическое выживание. Есть такие и среди участников наших дискуссий. Но большинство среди них остались в движении и продолжают работать. Уходят же те, кто пришел в движение случайно, по стечению обстоятельств. Остаются те, для кого движение является частью жизни, формой реализации самосознания. Эти люди не считают разрыв связей, развал структуры движения окончательным, полагая, что по мере необходимости они быстро восстановятся.

По-видимому, пока сохраняются такие настроения, можно предполагать, что движение замерло, но не умерло. Возможно, но на распутье, нуждается в структурных изменениях. Однако создается впечатление, что потребность в массовом демократическом движении сохраняется как у участников движения, так и у общества, политически пока окончательно не структурированного, не оформившегося. Есть потребность и есть потенциал, моральная энергия участников движения. И, значит, пока движение живет.